

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

же время выразил общее для многих его современников понимание связи между искусством и природой, состоящее в том, что искусство более могущественно. Соответственно, с одной стороны, он своё субъективное видение неба выражал, а с другой, эта картина — часть общего для той эпохи понимания, что есть искусство. С одной стороны, ты красуешься, а с другой — остаёшься частью очень мощной современной традиции.

То же самое можно распространить на архитекторов — посмотрите на здания, которые Оскар Нимейер сделал в Бразилии. Например, чашеобразный Дворец Национального конгресса. Форма конструкции производит впечатление, что накапливающиеся кучевые облака там живут. Кажется, будто облака возникли из пара, который создаётся в этой чаше, потому что что-то в ней кипит. В каком-то смысле мы можем сказать, что Нимейер навязал небу свою архитектурную идентичность. Вновь к вопросу о модернистской власти — автор приходит и делает нечто впечатляющее.

И третий пример — это Башня Татлина в России. Её семантическое значение заключается в том, что воля людей по этой спирали устремляется и проецируется в небо. И тогда мы снова видим эту модернистскую штуку — «природа должна подчиниться воле людей». Татлинская работа уникальна, очень индивидуалистична.

Всё время получаются эти два тезиса: с одной стороны, автор делает, как видит, а с другой — он всё равно аккумулирует общее настроение времени, общее понимание того, что есть искусство.

Особенность настоящего же состоит в том, что сегодня мы уже не можем думать о природе в целом и облаках в частности как о вещах, которые получится успешно контролировать своей волей. Потому что сейчас происходит другое — небо всё время показывает нам знаки, что это оно контролирует нас. Небо в широком понимании. Горечь нашей общей ситуации заключается в том, что именно то, как мы вели себя все эти столетия, и позволяет небу нами руководить. Потому что суть антропоценена в совокупной деятельности людей на Земле, на самом деле способной изменить природу. Раньше как раз казалось невозможным, что человечество окажется такой активной силой, что безвозвратно изменит окружающий мир. Но ничего уже не исправить, точка невозврата пройдена. Искусство последнего периода, которое я рассматриваю в лекции, — это как раз то искусство, которое с этой тревогой пытается что-то сделать, как-то её выразить.

Мне интересно, что общего у Австралии и России по части нарастающего в искусстве переживания тревоги. Хочу верить, что тут осознание происходящего развито в такой же степени, как и везде. Легче эти вещи видеть, если ты, как я делаю в своих лекциях, берёшь для рассмотрения длинные исторические куски.

— Тревожность и контроль тесно связаны друг с другом. И если искусство представляется попыткой осмысливать происходящее вокруг, то что в вопросе познания облаков наука? Можно ли сказать, что стремление подчинить себе знание является способом взять происходящее под контроль, просто чтобы снизить уровень тревоги, о которой вы говорите, или это уже амбиция человечества «захватить власть»?

— Есть много причин, по которым учёные стали изучать облака. Например, в одной области науки ищут способы, с помощью которых можно механически повлиять на ход глобального поте-

пления. И конечно, когда какие-то части населения узнают об этом, они успокаиваются. Это будут те наши собратья, которые верят в способность человечества сохранять контроль над природой. Но в науке есть немало тех, кто считает, что попытка установить механический контроль закончится тем, что всё станет ещё хуже. И на самом деле нет никакого магического решения, кроме правительственно-го навязывания корпорациям контроля над выбросами углекислого газа. Но есть, может быть, ещё большее число учёных, которые наблюдают за облаками и вообще за погодой, просто чтобы узнать, что вообще происходит. Они руководствуются научными идеалами объективности, и между ними существует консенсус, что глобальное потепление реально. Очень интересно, что воцарившийся сейчас в Штатах режим прекращает финансирование институтов вроде НАСА, потому что им такая информация не нужна.

Пример, иллюстрирующий изменения: есть глобальное движение по культивированию природы в городах. Оно продиктовано желанием вместо бетонных джунглей создавать поля, леса, сады. Выращивать съедобные плоды и кормить людей, не нанося вреда окружающей среде. И это особенно распространено в местах, переживших городские катастрофы, вроде пресловутого Детройта, где исчезновение производства машин привело к обеднению местных жителей и появлению нескольких инициатив, связанных с окружающей средой. Я не знаю, происходит ли что-то подобное у вас...

— Не уверена, что перед нами эта проблема стоит так остро. Точнее, что здесь достаточно об этом говорят.

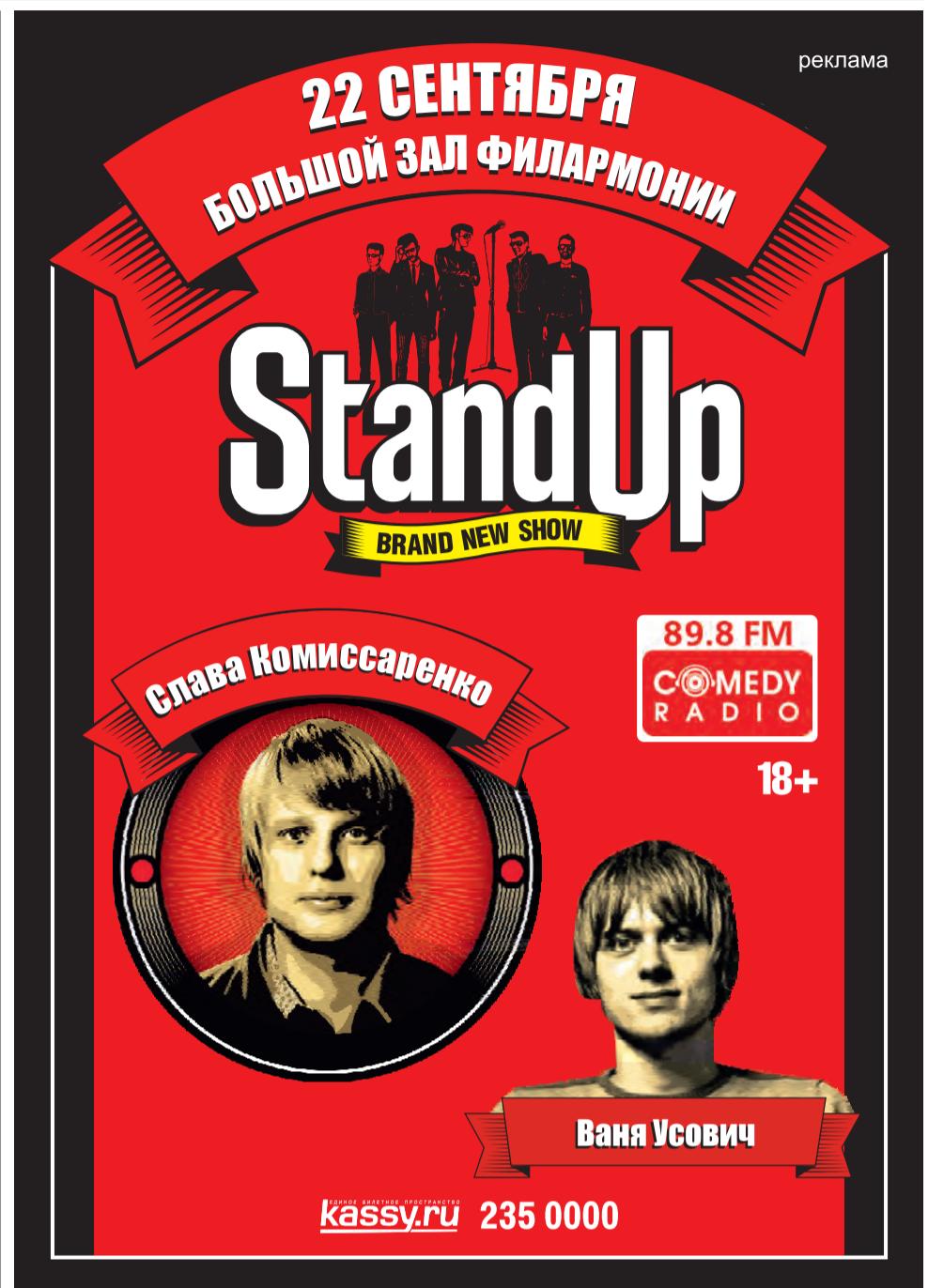
— Я не убеждён, что об этом достаточно говорят везде. Так же, как мы с этим антропоценом к разрушению глобальной проблемы пришли в точку невозврата, может случиться, что и наше осознание произойдёт, когда будет слишком поздно. Надо, чтобы каждый, а не только проявленный индивид, что-то в связи с этим делал. Но до этого ещё очень далеко.

Грустный факт заключается в том, что неприятные изменения происходят действительно очень быстро. Например, сейчас ледники тают в пять раз быстрее, чем раньше. Есть исследователь, живущий в Англии, который написал книгу «Прощай, лёд». В частности, в этой книге автор говорит, что за последние 20 лет Англия потеряла свыше 50% животных, живших на её территории.

Другой пример — это австралийские города, в которых очень остро стоит проблема с водой, а вода, понятно, поступает к нам с неба. У нас усилилось осознание негативности происходящего, когда разошлись новости о Кейптауне в Южной Африке. Впервые в истории большой город реально оказался без воды.

— Очень сложно приблизиться к этой мысли, живя в городе на реке.

— Конечно, есть места, в которых тебе сложнее идентифицироваться с происходящим. Например, в моём Перте возникло очень мощное движение по защите окружающей среды, специализирующееся на защите болот. Это параллель с тем, что вы сказали. Когда отправляешься на машине на юг, перед тобой простираются аутентичные места, и ты думаешь: зачем бояться за болота, если всё, что мы видим, занимает десятки километров? Но, когда я открываю фотографии, сделанные со спутника, я вижу, что лес сокращается. И тогда вместе с согражданами действительно начинаю переживать.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

«Флаэртиана-2018» объявила программу международного конкурса

Международная конкурсная программа XVIII фестиваля документального кино «Флаэртиана» сформирована. В шорт-лист вошли 15 фильмов, в том числе фильмы из Чехии, Латвии, Сирии, Франции, США и других стран, а также две российские работы. Первый фильм — «Король Лир» Дениса Клеблеева, выпускника школы документального кино Марины Разбежкиной и Михаила Утарова. Вторая картина — «Песни для Кита» Руслана Федотова — рассказывает историю бездомной женщины. «Флаэртиана-2018» пройдёт с 14 по 20 сентября. Победитель международного конкурса получит статуэтку «Золотого Нанука» и премию в размере 250 тыс. руб.

Шорт-лист конкурсной программы XVIII Международного фестиваля документального кино «Флаэртиана»:

- «Америка» (América) — реж. Эрик Столл, Чайз Уайтайд, США, 2018;
- «Бобби Джин» (Bobbi Jene) — реж. Эльвира Линд, Дания, Швеция, 2017;
- «Вкус цемента» (Taste of Cement) — реж. Зиад Калтхум, Германия, Ливан, Сирия, ОАЭ, Катар, 2017;
- «Далёкое созвездие» (Distant Constellation) — реж. Шевон Мизрахи, США, Турция, Нидерланды, 2017;
- «Дано: моя мать» (Solving My Mother) — реж. Ева Озолина, Латвия, 2017;
- «За пределом» (Over the Limit) — реж. Марта Прус, Польша, 2017;
- «Король Лир» (King Lear) — реж. Денис Клеблеев, Россия, 2017;
- «Макала» (Makala) — реж. Эммануэль Грас, Франция, 2017;
- «Мир по Далибореку» (The White World According to Daliborek) — реж. Вит Клусак, Чехия, Словакия, Великобритания, Дания, 2017;
- «Об отцах и сыновьях» (Of Fathers and Sons) — реж. Талал Дерки, Дания, Сирия, Ливан, 2017;
- «Одиночная битва Томаса Рида» (The Lonely Battle of Thomas Reid) — реж. Фергал Уорд, Ирландия, 2017;
- «Песни для Кита» (Songs for Kit) — реж. Руслан Федотов, Россия, 2017;
- «Пирипкура» (Piripkura) — реж. Рената Терра, Бруно Хорхе, Мариана Олива, Бразилия, 2017;
- «Постоянно временная жизнь Мухи» (Muhi — Generally, Temporary) — реж. Рина Кастьяново-Холландер, Тамир Эльтерман, Израиль, Германия, 2017;
- «Ужас» (The Dread) — реж. Мартин Бенчимоль, Пабло Апаро, Аргентина, 2017.